

АНТИТЕЗА КАК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В НАРТСКОМ ЭПОСЕ КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Antithesis as a Figurative Means in the Nart Epos of the Karachay and Balkar Peoples

Т. М. Хаджиева (T. Khadzhieva)¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН (Ph. D. of Philology, Leading Scientist at the Institute of World Literature of the RAS). E-mail: tanzila_@mail.ru.

В статье рассматриваются сюжетообразующие, композиционные и стилистические функции антитезы в карачаево-балкарском нартском эпосе. Антитеза лежит в основе сюжета большинства нартских песен и сказаний и реализуется в столкновении «добра» и «зла», «тьмы» и «света», служит средством усиления выразительности при сопоставлении образов нартских героев и их врагов — великанов-эмегенов. В эпосе герои предстают богатырями, обладающими большой физической силой, но рядом с огромными эмегенами они ничтожно малы. Эмегенам присуща огромная циклопическая мощь, но они страшно глупы и неразумны. Силе, коварству эмегенов противопоставляются ум, находчивость нартских героев.

Ключевые слова: нартский эпос, карачаевцы, балкарцы, нартские песни и сказания, великаны-эмегены, протвопоставление, антитеза, метафорическая антитеза.

The article considers the antithesis functions of the plot, composition and style in the context of the Karachay-Balkar Nart Epos. The antithesis lies in the basis of the plot of most of Nart songs and legends and is realised through the contradiction of “the good” and “the bad”, “the darkness” and “the light”. It also highlights the comparison between the imagery of Nart heroes and their enemies – Emegens-monsters. In the epos the heroes stand forth as bogatyr, possessing great physical strength, but alongside the enormous *emegens* they are insignificantly small. The emegens have enormous cyclopean might, but they are terribly stupid and unreasoning. The strength of the emegens is opposed to the intelligence and resourcefulness of the Nart heroes.

Keywords: the Nart epos, the Karachays, the Balkars, the Nart songs and tales, emegen-monsters, opposition, antithesis, metaphorical antithesis.

«Миссия очищения земли от чудовищ — своеобразная, характерная для архаической стадии героического эпоса форма выражения коллективного пафоса» [Мелетинский 1983: 47]. В рассматриваемой версии «Нартиады» главная эпическая тема — борьба нартов с мифологическими великанами — эмегенами. Эмегены — источник зла и хаоса на земле. Быстро размножаясь, эти ненасытные чудовища пожирают все живое, и, чтобы очистить от них землю, Бог создает нартов, которые ведут с ними непрерывную борьбу до их полного уничтожения [Нарты 1994: 305, 596]. В эпосе почти все основные герои — Ёрюзмек, Сосурук, Алауган, Карашауай, Чюерди, Рачыкау и даже Сатанай¹ [Нарты 1994: 347] — ведут постоянную

борьбу с ними. Главным же истребителем эмегенов выступает нарт Ёрюзмек. У него, как и у других подобных ему эпических героев (Гильгамеша, Тора, Амирани, Нюргун-Боотура, героев бурятских улигеров и др.), задача одна — уничтожение чудовищ, которые нарушают мирную жизнь его племени.

Страна эмегенов обычно локализуется за пределами нартского Космоса (чаще всего на Севере). Эти чудовища живут и в подземном царстве [Нарты 1994: 383], а в сказании «Нарт Карашауай и Гемуда» речь идет и о морских эмегенах [Нарты 1994: 451].

Сюжеты многих карачаево-балкарских нартских песен и сказаний строятся на столкновении и борьбе нартских героев с эмегенами. Можно сказать, что в их основе «почти всегда лежит антитеза активного героизма эпических персонажей и пассивного могущества великанов» [Далгат 1972: 19]. Необыкновенно огромные и сильные

¹ Имена нартских героев в статье приводятся в той огласовке, в которой они даются в публикациях дореволюционных и современных издателей и в полевых материалах собирателей.

эмегены на первый взгляд кажутся непобедимыми благодаря своему физическому превосходству, и тем не менее они терпят поражение, что способствует еще большей поэтизации деяний героев.

Это отмечает и Н. П. Андреев относительно былинных богатырей: «...Илья обычно изображается могучим богатырем, но в сопоставлении с чудовищным образом Идолища он оказывается обыкновенным человеком: тем разительнее победа этого „обыкновенного“ человека над „необыкновенным“» [Андреев 1938: 16]. В анализируемом эпосе, как и в других национальных версиях «Нартиады», особенно наглядно это представлено в вариантах сказаний о добывании огня нартом Сосуруком. При этом, как подчеркивает исследователь абхазского нартского эпоса З. Д. Джапуа, в разных национальных версиях «сказания о добывании огня, данная константа формируется в нескольких вариациях. Основные из них: великан ставит героя вместе с конем на свою ладонь (абх.)...; вместе с конем помещает под ноготь или хватает их двумя пальцами (абх. адыгск.)...; ловит героя и вместе с конем кладет под голову или ставит его у своего изголовья (абх., адыгск., карач.-балк.)...; проглатывает или пытается проглотить героя вместе с конем (абх., адыгск.)...; берет в руку героя и его богатырского коня и закидывает в глаз (карач.-балк.)» [Джапуа 2010: 281].

Во всех вариантах данного сказания главные функции нартского героя — добывание огня и уничтожение великана (эмегена/уаига/адауы/иныжа) — строятся на антитезе: хитрости и находчивости эпического богатыря противопоставлена сила, глупость и коварство чудовища. Как известно, принцип контраста формирует структуру почти всех эпосов народов мира. Так, Н. Б. Пюрвеева отмечает: «Свойственное эпосу дихотомическое деление мира пронизывает и систему образов «Джангара». Все они обязательно относятся к одному из двух возможных лагерей, положительных или отрицательных персонажей, к представителям добра или зла... Герои Бумбы, благодаря своей могучей силе, ловкости владения оружием и неустрашимости, одерживают победу. Такой финал эпического повествования характерен для героического эпоса многих народов. Например, сюжетное повествование нартских сказаний «характеризуется тем, что герой, как правило, всегда побеж-

дает врага» [Пюрвеева 2003: 26, 31; цит.: Алиева 1969: 129].

Сказители карачаево-балкарского нартского эпоса используют прием антитезы, противопоставляя нартских героев не только эмегенам и другим мифологическим врагам, — нередко они противостоят и друг другу. Здесь антитеза становится средством выделения героя среди других нартов, средством характеристики его богатырской силы и мощи. Например, сказания «Ёрюзмек и Ногайчик» [Нарты 1994: 343], «Дружина Ёрюзмека и Карашауай» [Нарты 1994: 456] полностью построены на антитезе.

В сказаниях «Сосуруко» [Нарты 1994: 375], «Карашауай и Гемуда-алаша» [Нарты 1994: 446], «Шауай» [Нарты 1994: 463] наряду с противопоставлением персонажей используется и «мотив предварительной недооценки героя» [Скафтымов 1924: 50]. Например, в сказании «Сосуруко» Ёрюзмека решили пригласить на пир с целью отравить, но никто из нартов, кроме юного Сосурука, не отважился пойти позвать его. Состязаясь по пути в стрельбе из лука, Ёрюзбек и Сосурук пустили по стреле и отправились по их следу. Вскоре они нашли стрелу Ёрюзмека, а стрелы Сосурука нигде не было. И тогда Ёрюзбек говорит ему: «... Отчего не вернешься назад и не найдешь своей стрелы, ведь не улетела же она дальше моей». Когда же они подошли к дому Алиговых, где шел нартский пир, увидели, что все нарты стараются вытащить из столба стрелу Сосурука. Но их старания были тщетны. Тогда юный Сосурук подошел и вытащил стрелу одной рукой [Нарты 1994: 337]. А в сказаниях о Карашауае антитеза служит для более яркого показа превращения невзрачного, оборванного Карашауа в могучего нартского богатыря, а его паршивого жеребенка Гемуды — в чудесного боевого коня.

В карачаево-балкарских эпических сказаниях прием противопоставления широко применяется и в речи персонажей [Нарты 1994: 320, 328, 463]. При помощи антитезы часто строятся вопросительные предложения, которые нередко придают диалогу персонажей особую выразительность. Наглядный пример — наставления, которые дает мудрая Сатанай своей служанке, как пригласить к ним едущего мимо их дома богатыря: «Когда Рачикау приблизится к тебе, то вежливо скажет: «Добрый день!» — и проедет дальше. А ты ответь ему: «Да будет счастлива твоя жизнь!» — и потом сейчас же прибавь: «Что так скоро едешь,

добрый молодец: убегаешь ли от кого или за кем гонишься? Мы живем на дороге и для приезжающего и отъезжающего любим приготовить еду, утолить его жажду и голод. Дом этот – Схуртуковых; заезжай, а там и отправишься дальше в добрый час!»¹ [Нарты 1994: 515].

Карачаево-балкарские сказители нередко прибегают к антитезе и при характеристике волшебных предметов и явлений, чтобы наглядно продемонстрировать их чудесные свойства. Так, если нартский герой обладающий волшебной стрелой, попадает в беду, с нее капает кровь, если же у него все благополучно — молоко [Нарты 1994: 256]. А в сказании. «Сосурук борется с эмегенами» речь идет о живой и мертвой воде [Нарты 1994: 378].

Стилистическая антитеза в эпосе бывает простой (одночленной) или сложной (многочленной). В нартских песнях и сказаниях сложная (многочленная) антитеза употребляется, чтобы воспеть не только величие, подвига героя, но и подчеркнуть коварство и подлость его антагониста. Например, в сказании о том, как Ёрюзмек стал главою нартов, божество нартов злой Пук /Фук, спасаясь от преследований Ёрюзмек, улетел на небо и стал мстить нартам: «*Так как Пук был бог, то он, разгневавшись на нартов, задержал дожди; произошла засуха, хлеба перестали цвести, деревья стояли без листьев, животные не плодились, женщины не рожали. Наступило для нартов тяжелое время ...*». Тогда Ёрюзмек поднялся на небо, убил Пука и спас нартский народ от гибели. После смерти Пука «*семь недель лился дождь с кровью; на земле опять наступил берекет — довольство: хлеба начали цвести, деревья приносить плоды, животные размножаться, женщины рожать детей*» [Нарты 1994: 322–323].

Антитеза употребляется и в составе традиционных эпических формул, характеризующих, в частности, противников, вступающих в борьбу. На приветствие одного из них: «*Эй, кюнюнз ахшы болсун!*» — «Да будет твой день добрым!», другой всегда отвечает: «*Ой, кюнюнз аман болсун!*» — «Чтобы день твой был недобрым!» [Нарты 1994: 316, 318, 319, 322].

¹ Здесь и далее, когда иллюстрируемые материалы даются только на русском языке, — они цитируются из дореволюционных публикаций карачаево-балкарских нартских сказаний, которые были изданы только в переводе, без текстов на языке оригинала.

Некоторые «общие места» построены на противопоставлении антонимов: «смеяться — плакать», «верх — низ», «направо — налево» и т. д. [Нарты 1994: 386, 359].

В нартских песнях и сказаниях антитеза играет большую роль и для характеристики эпического пространства, поскольку эпический герой постоянно попадает в ситуацию пространственного выбора, буквально «между небом и землей». Как уже говорилось выше, Ёрюзмек сражается с Фуком в его небесном жилище, а результат боя — кровавый дождь проливается на землю — туда же падает и голова Фука [Нарты 1994: 327]. Таким образом, пространственная соотнесенность эпических событий имеет символическое значение, эпическая же география настолько объемна (небо — земля), что наглядно реализует универсальность пространства.

Этот характер обращения с пространством в эпическом повествовании особенно ярко сказывается при характеристике эпического действия, всегда носящего пространственно-маркированный и одновременно универсальный характер. Так, Фук на приветствие Ёрюзмек отвечает:

– *Ой, кюнюнз аман болсун!*

*Манга жерде тынчыкъ бермединг,
Энди кёкдедамы кёймайса?*

– О, чтобы день твой был недобрым!

На земле мне не давал покоя,

А теперь и на небе не оставишь, что ли!

[Нарты 1994: 319].

Это же свойство движения, «пронизывающего» пространства, обнаруживает себя не только в диалоге героев, но и в рассказе об их действиях. Показательно в этом плане описание добывания Ёрюзмек огня: «*терек бутакъла жыйды, сермеп, къаядан, черенча, бир уллу сыныкъ кёбарды. Ол къая сыныкъ бла къаяны сермеди. От жилтинле чыгартып, дунияны кёк жашнагъанча жарытып башлады. Жилтинлени кёкге учханлары жулдузла болгъандыла, тюбуне акъгъанлары отунланы жандыргъандыла*». — [Ёрюзмек] «собрал валежник, схватил и оторвал от скалы громадный кусок камня [величиной] со стог сена и ударил им о скалу. [От его удара] посыпались искры и осветили мир, словно молнии. Искры, которые улетели на небо, превратились в звезды, а от упавших на землю зажегся огонь». [Нарты 1994: 338]. Позиция же героя в этой ситуации оказывается как бы межпространственной.

В карачаево-балкарских нартских сказаниях нами выявлена и метафорическая антитеза [Богатырев 1958: 211; Гацак 1973: 298; Хаджиева 1994: 54], используемая в основном в диалогах персонажей: «Мен бюжюн бир ариу жюзюк тапханма, къарачи бери» — «Я сегодня красивое кольцо нашел, посмотри сюда», — говорит Сосурук Сатанай. Но мудрая Сатанай знает, что это колдунья обернулась золотым кольцом, чтобы узнать уязвимое место на теле Сосурука, и так отвечает ему: «Угъай, ол жюзюк туююлдо, сен жюзюк тапмагъанса, сен кесинги башынга палах тапханса». — «Нет, это не кольцо, ты нашел не кольцо, ты погибель нашел на свою голову!» [Нарты 1994: 388].

Сказитель карачаево-балкарского эпоса использовал метафорическую антитезу и в описании необыкновенного всадника, которого увидела служанка Сатанай: «Я имела возможность видеть много славных наездников, но такого, как сегодня, я никогда не видала: впереди его идет облако, в котором летают звезды и вороны; у него спереди светит солнце, а сзади луна; под лошадью прыгают белые зайцы». Мудрая Сатанай объясняет ей: «То, что тебе показалось облаком, — это пар из ноздрей его лошади;

вороны — это комья грязи, летящие вверх из-под копыт его лошади; звезды — это искры, вылетающие из его трубки; светящее спереди солнце — его кюбе (панцирь); а луна сзади — такья (шлем); наконец, зайцы, прыгающие, по-твоему, под лошадью, — не что иное, как широкий шелковый конец его плети» [Нарты 1994: 515].

Метафорическая антитеза иногда встречается и в речи сказителя:

*Алауган кете бара, бир тѣбе эсlegendи,
Тебе туююл ол а — эмегенди.*

Алауган в пути один курган заметил,
А это не курган — эмегенша была

[Нарты 1994: 423].

Итак, антитеза в нартских сказаниях и песнях карачаевцев и балкарцев — один из важнейших художественных приемов, выполняющий сюжетообразующие, композиционные и стилистические функции. Использование антитезы при создании эпических образов позволяет сказителю подчеркнуть значимость и величие нартских героев. Вместе с другими изобразительно-выразительными средствами она используется для воспевания и идеализации богатырского племени нартов и играет важную роль в создании поэтического единства «Нартиады».

Литература

- Алиева А. И. Адыгский нартский эпос. М.; Нальчик, 1969. 168 с.
Андреев Н. П. Вступительная статья // Былины. Л.: Сов. писатель, 1938. С. 5–36.
Богатырев П. Н. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов // IV межд. съезд славистов. М.: Наука, 1958. С. 211–251.
Гацак В. М. Метафорическая антитеза в сравнительно-историческом освещении // VII межд. съезд славистов. М.: Наука, 1973.
Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. 470 с.
Джзхупа З. Д. Сходные описания встречи неравных персонажей в нартском эпосе // Поэтика традиции. Сборник научных статей. Под ред. Я. Василькова и М. Кисилиера. Европейский дом. СПб., 2010. С. 178–191.

- Мелетинский Е. М. Возникновение и ранние формы словесного искусства // История всемирной литературы. Т. 1. М.: Наука, 1983.
Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А. И. Алиева, сост. Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой. М.: Вост. лит., 1994. 658 с.
Пюрвеева Н. Б. Поэтика героического эпоса «Джангар»: Автореф. ... д-ра филол. наук. Элиста, 2003. 51 с.
Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924. 226 с.
Хаджиева Т. М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А. И. Алиева; сост.: Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т. М. Хаджиевой. М.: Вост. лит., 1994. С. 8–66.

References

- [The Narts: a Heroic Epic of the Karachays and Balkars]. A. I. Alieva (ed.), R. A.-K. Ortabaeva, T. M. Khadzhieva, A. Z. Kholaev (comps.); T. M. Khadzhieva (foreword, glossary, comments). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. 658 p. (In Russ.)
Alieva A. I. [Nart Epic of the Adyghe People]. Moscow; Nalchik, 1969. 168 p. (In Russ.)
Andreev N. P. Foreword. In: [(Russian) Bylinas]. Leningrad: Sovetskiy Pisatel, 1938. Pp. 5–36. (In Russ.)
Bogatyrev P. N. Comparative studies of Slavic epics: some objectives revisited. In: [4th International Congress of Slavists]. Proc. Moscow: Nauka, 1958. Pp. 211–251. (In Russ.)
Dalgat U. B. [Heroic Epic of the Chechens and Ingushes]. Moscow: Nauka, 1972. 470 p. (In Russ.)
Dzhapua Z. D. Encounters between unequal characters in the Nart epic: similar descriptions. In: [Poetics of Tradition]. Coll. scholarly papers. Ya. Vasilkov, M. Kisilier (eds.). St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2010. Pp. 178–191. (In Russ.)
Gatsak V. M. Metaphoric antithesis in a comparative-historical perspective. In: [7th International Congress of Slavists]. Proc. Moscow: Nauka, 1973. (In Russ.)
Khadzhieva T. M. Nart epic of the Balkars and Karachays. In: [The Narts: a Heroic Epic of the Karachays and Balkars]. A. I. Alieva (ed.), R. A.-K. Ortabaeva, T. M. Khadzhieva, A. Z. Kholaev (comps.); T. M. Khadzhieva (foreword, glossary, comments). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. Pp. 8–66. (In Russ.)
Meletinsky E. M. Oral lore: emergence and early forms. In: [History of World Literature]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)
Purveeva N. B. [The Jangar: Poetics of the Heroic Epic]. Dr.Sc. (philology) thesis abstract. Elista, 2003. 51 p. (In Russ.)
Skaftymov A. P. [Bylina: Poetics and Genesis]. Moscow; Saratov, 1924. 226 p. (In Russ.)